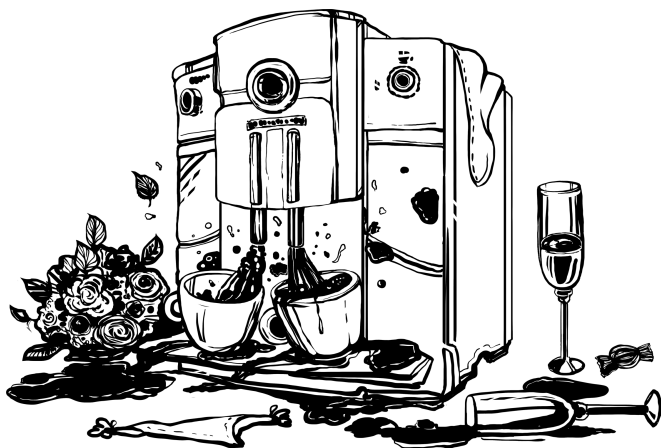

Когда утонет черепаха

Все герои вымышлены, события — тем более

Наш остров — единственный пример тверди,
созданной Господом. Прочие земли и страны,
судя по их виду и устройству, рождены большим
взрывом или ещё какой неприятностью.

Оскар Шульц. «Богослов острова Муху»

Анна

Вечеринка достигла той стадии, когда никто ещё не упал, но все уже сделались стройны и остроумны. Сухое белое хозяйка спрятала как последний патрон для себя, на утро. Хозяин ходил с креном на левый борт. Говорил, это тангаж. Мужчины сели в круг, занялись теоретической войной. Самый храбрый брался обезвредить танк сапёрной лопатой. Для этого нужно вскочить на броню, накрыть перископы шинелью, а когда враги полезут, нарубить из них салат. Легко и просто.

— Слышь, пузо, ты на табуретку не запрыгнешь, — сказал неизбежный в любой компании скептик. Его не слушали. Ничто так не увлекает, как личный героизм в воображаемой войне. Кто-то брался поджечь танк лаком для

волос и зажигалкой за десять центов. Другие знали, как отвёрткой сломать гусеницу или взорвать башню изнутри, насыпав в ствол песка. По всему выходило, танки крайне беззащитны перед менеджерами и бухгалтерами. Их создают исключительно для издевательств гражданского населения.

Женщины жалели какую-то Беату, догулявшуюся до развода. У мужа Беаты ничего святого, раз смог бросить такие ноги. Всякая женщина может оступиться. А некоторые и не раз. Но можно ли винить её за мечту о счастье?

В центре, задевая мебель, кружилась пара. Судя по положению рук, там сильное, искреннее чувство. Столь нежно гладить малознакомый зад может только настоящий рыцарь. Гости смотрели с пониманием, осуждением и завистью.

— Вальтер умный, пришёл без жены.

— Между прочим, она тоже замужем.

— И кто этот счастливый человек?

— Моряк. Капитан танкера.

— Интересно, он фуражку носит поверх рогов или между?

— Он дырочки провертел.

— В шторм удобно. Не слует.

Анна обогнула танцующих, вышла на кухню. Вставила чашку в кофейный аппарат. Наугад нажала несколько кнопок. Анна уверена, что кухонную технику делают умные люди. На видном месте они расположат кнопки исполнения желаний. А кнопки самоподрыва уберут по-дальше, чтобы женщины не пострадали. Аппарат плюнул

в чашку техническими слюнями и затих. Вошёл мужчина в пиджаке. Кажется, брат хозяйки. Его имени Анна не помнила.

— Надо капсулу вставить. — Сказал вошедший. Он привалился к косяку, смотрел снисходительно. В его присутствии Анна сделалась неловкой и технически безграмотной. А только что была отважным исследователем инопланетных роботов. Женщина отошла от аппарата, капризно скрестила руки. Мужчина хорошо знал эту кухню. Ничего специально не ища, сунул руку куда надо и достал десяток капсул.

— Латте? Эспрессо?

— Капуччино, будьте любезны.

Аппарат загудел, запахло маленьким счастьем.

— Анна, можно вопрос?

— Включая заданный? То есть два вопроса?

— Зачёркиваем первый, ответьте на второй. Отчего красивые женщины ходят в гости в одиночку?

— Вам в социологическом плане?

— В личном.

— Например, муж красивой женщины мог заболеть, утомиться, улететь в Антарктиду за смешными пингвинами. А жене его, миллионерше, надоело считать миллионы. Вот она и пошла в гости.

— А в вашем случае что?

— Мы с хозяйкой квартиры пляшем в одном ансамбле. Пятнадцать лет уже. К таким подругам ходят без мужа.

— А скажите тогда...

— Вы приготовили один кофе, а запросы — будто дракона убили.

— Если управлять кофеваркой так просто, выплюньте мой кофе и сделайте себе сами.

— В следующий раз. Я просто не успела. Вы вошли раньше, чем я взялась за топор. Уверена, через минуту эта машина мне и яичницу бы приготовила.

В кухню вбежала хозяйка, розовая от вина и гормонов. Приснула как дура, сказала «ой, простите». Потом схватила мужчину в пиджаке, уволокла с собой.

Дальше были коллективные танцы, в которых Анна затмила всех. Потом играли в буриме и в крокодила. Приставал ещё один гость. Толстый, пьяный, в свитере. Этот заявил прямо.

— Ты ничего такая. Выходи за меня! Я хороший. Физик по образованию.

— А давайте просто секс? — съехидничала Анна.

Толстый почуял подвох.

— Разовая связь хорошо, но лучше регулярная. Я всё-таки за брак, — ответил он. — Давай обнимемся?

— Зачем?

— Женщины в объятиях млеют.

— Трижды я была женихов сковородами. Не представляю, как избежать четвёртого раза.

— От тебя хоть бы и сковородой — сказал толстый и стал надвигаться, раскрыв объятия. Тут вмешался мужчина в пиджаке. Рослый, представительный, сейчас он казался даже милым.

— Анечка, я готов. Можем ехать, — сказал он очень серьёзно.

— Да-да. Пора, — ответила Анна. — Чудесный был вечер. Всем пока! — пропела она, выходя в прихожую.

Ей подавали пальто чуть не всем коллективом. Уже на лестнице она шепнула:

— Неудобно именовать вас спасителем. Как вас мама называла?

— Робертиком.

— Что ж, Робертик. Разрешаю проводить меня до такси.

Он просил номер телефона для важного дела. Сказал, есть должность с хорошей зарплатой в солидной конторе. Как раз для Анны. Враки, конечно, но телефонами обменялись. Потом он приглашал гулять по пляжу и в ресторан. Отказалась. А вот в оперу пошла.

Вот скажите, как сложной женщине просто одеться в оперу. Нужно именно платье, нарядное, но не ярче тех, что на сцене. Значит, вычёркиваем диадемы и платья в пол. Джинсы тоже вычёркиваем, всё-таки театр. Анна не собирается соблазнять Роберта, это тоже надо выразить одеждой. Ещё надо показать, что пару бокалов шампанского она примет с благодарностью. Не тем делом всё-таки заняты суперкомпьютеры. Рассчитывают неосознаваемую в космосе тёмную материю, тогда как на Земле полно нерешённых вопросов.

Другие дамы припрутся на каблуках высотой с цирковые ходули. Придётся также показать, что все их попытки тщетны рядом с настоящей элегантностью. Резюмируем. Платье должно быть сдержанным, но броским, торжественным, скромным, сексуальным и будничным одновременно. В шкафу — разумеется — такого не нашлось. Не ясно даже, существует ли нужный фасон где-то в мире. О чём думают дизайнеры одежды — непонятно.

Анна сутки потратила на расчёты и поиски. Прокляла Роберта и композитора Бизе. Обессилела, утратила веру в цивилизацию и выклянчила абы что у подруги Лигиты. Серебристое платье чуть выше колена и к нему легчайший шёлковый плащ. Костюм не передавал всего, что хотелось. Недостающие смыслы Анна надеялась восполнить выражением лица. Лигита сказала:

— Ты богиня!

И всплеснула руками. Анна разделила эту оценку на восемь и пообещала в следующий раз подготовиться как надо.

С Робертом не стыдно посещать театры. Он галантный, подтянутый, не жмот в буфете. Говорит только об Анне, расспрашивает о прошлом. Такая однобокость интересов скорее плюс, но ощущается как минус.

— Анна, вы были замужем?

— Была.

— А хотели бы ещё попробовать?

— В трезвом уме — нет. Но пока в мире есть анжуйские вина, возможно всё.

— А каким был ваш первый муж?

— Идеал. Не сразу конечно, пришлось отсечь лишнее, а кое-где наоборот, прилепить новых качеств.

— Что же вы ему отсекали?

— Предыдущую жену, например.

— Разбили чужой брак?

— Я не знала. Он скрывал. Клялся потом, что потерял память и совесть, лишь меня увидел. Я, разумеется, верила.

— Всё равно разбили. Красивые женщины в ответе за тех, кого одурманили.

— А вы отвечаете за тех, кого соблазнили?

— За дурнушек — да.

— Так-так.

— Я не о вас. Между нами всё иначе. Вы хищница, а я лишь бедная жертва ваших чар.

— Продолжайте.

— В нашем гипотетическом браке я бы постарался приделать вам сигнализацию. Потому что вас точно украдут. Или вы сами сбежите, разбив мне сердце. Как наверняка разбили его первому мужу.

— Вот тут ошибочка. Это он сбежал.

— Не иначе, спятил от счастья.

— А ваш, Роберт, брак чем закончился?

— Почему закончился? Я и сейчас женат.

Вот тут-то Анне и разонравилась опера. И хоть девушка не собиралась заводить отношений, всё равно расстроилась. Даже разозлилась. Домой поехала одна, на такси. Он ещё звонил, приглашал куда-то. Анна говорила, что ужасно занята. Все тридцать четыре раза.

Её первого мужа звали Ральф. К моменту встречи с Анной он был женат настолько формально, что упоминать не стоило. Так он говорил. Ещё говорил, что страсть угасла, они спят в отдельных постелях. Все мужчины так говорят в случае скоропостижной влюблённости. Стандартный текст, прошитый где-то на материнской плате.

Красивый Ральф называл подружек солнышками, рыжиками и звёздочками, чтобы не путаться в именах. Он

считал капризными всех, кто не сдавался за полчаса. Анна и тогда не собиралась заводить отношений. Последовательно отклоняла предложения. Не пошла на три концерта, в пять ресторанов и на супер-вечеринки без счёту. Но в студенческой столовой каждый раз была мила.

Ральф подумал, невелика птица. Десять безымянных девушек легко заменят одну строптивую Анну. Но ошибся. Красивая танцовщица с восточными глазами как-то не затмевалась. Тогда Ральф пошёл ва-банк. Своротил двух сестёр-близняшек. Заманил на родительскую дачу. В реестре мужских фантазий такой уикенд считается ядерным взрывом. После него только пепел и радиация остаются от бывших влюблённостей.

На деле сёстры оказались скучны. Они ссорились. К тому же Ральф их не различал. Ему казалось, это одна девушка раздвоилась и перемещается в пространстве. Оставишь её в спальне, потом раз — она уже на кухне. Ральф закрывал глаза и представлял Анну. Каждой сестре он сказал, что любит только её.

— А как меня зовут? — спросила каждая.

— Ты что, мне не веришь? — обижался Ральф.

В тот вечер Ральф сделал окончательный выбор. На долгих пять лет.

С понедельника он пошёл в атаку. Анна не ожидала такого натиска. Её бастионы трещали, роняя кирпичи. Ральф встречался на каждом шагу. Он подарил цветочек, при всех. Наговорил комплиментов. Пытался обнять. Анна стала прятаться и убегать. Ей казалось — так она борется за честь и свободу, на самом деле только распяляла пресле-

дователя. Было возмутительно и приятно, когда Ральф её настигал.

Зоологи пишут, лучше всего плодятся самые наглые коты и самые вредные кошки. Это значит, разойтись они уже не могли. Чем холодней была Анна, тем ярче сияли её льды.

— Почему ты такая? — спрашивал он.

— Какая?

— Ты понимаешь, о чём я.

— А ты знаешь мой ответ.

— Не знаю.

Анна пожимала плечом. Красавицы вправе на любой вопрос отвечать что угодно. Понимай, как хочешь. Ральф снова догонял, брал за руку.

— Я тебя люблю.

— Ты всех любишь.

— Кого всех?

— Жену свою, например. Потом эту, рыжую с третьего курса.

— Да нет у меня никакой жены! Мы развелись!

И тряс какими-то справками.

«Ещё хуже. Я стала причиной развода. Теперь счастья не будет». Так думала Анна, но вслух лишь фыркала.

Ей нужно было съездить в другую страну, к тёте. Ральф провожал с цветами. Анна думала, вот сейчас всё и закончится. Во всех хороших фильмах вокзал предваряет финальные титры. На прощанье Анна позволила обнять себя и даже ответила на поцелуй. Потом ушла в купе. Поезд

тронулся. Проплакала всю ночь. Дорога длинная, всё равно делать нечего.

Ральф побежал в аэропорт, потратил годовой бюджет, но утром стоял уже на перроне, встречал поезд. Единственный — опять с цветами. Светился ярче семафора. Он сказал, что будет ночевать у неё на пороге, где бы это место ни оказалось. Анина тётка не хотела объяснять соседям, почему перед дверью валяются студенты. Она записала Ральфа в друзья детства. Застелила двуспальную кровать, как совсем уже друзьям. Анна возмущалась внутренне. Она обещала зарезать Ральфа, если тот хоть на секунду распушит руки. И до самого утра так никого и не зарезала.

Целый год потом стыдилась и страдала. Не лишая себя, впрочем, маленьких радостей. Каялась и грешила, каялась и грешила. Однажды к Анне подошла чужая женщина. Поздоровалась, представилась женой Ральфа. Бывшей женой. Высокая такая, с отчаянным «эх ты» в глазах. Анна предпочла бы встретиться с дикими волками или даже сектантами. Кто угодно был сейчас милей, чем несчастная жена любимого человека.

Женщина полезла в сумочку. Анна приготовилась бежать. Собралась кричать «Помогите» или просто «А-А-А!». Ещё вспомнила, что при погоне полезно бить витрины. Людей это привлекает. Но та женщина достала всего лишь бумагу с печатью.

— Вот. Справка о разводе. Постарайтесь быть счастливой. У вас на это немного времени. Вас он тоже бросит.

Так сказала и ушла. Три дня Анна смотрела на Ральфа как на негодяя. Но его копьём не пробьёшь, не то что взгля-

дом. Удивительно чѐрствый. Для женщины такая история кошмар, для него же пустяк. Он сказал, настоящая любовь от обычной страсти отличается именно лёгкостью расставания. Для сравнения, потеряв Анну, он бы непременно помер. Так сказал Ральф. Не поверить ему было невозможно.

Он стал отличным мужем. Во-первых, не капризный. Хвалил любую стряпню. Избыток соли считал признаком любви. Всѐ сырое, горелое и несовместимое он умело корректировал сметаной.

Он всегда был в хорошем настроении. Когда что-то не выходит — говорил, значит, время не пришло. Никто не виноват. За пять лет молодые ни разу не поссорились. Так же мирно живут разве что зайчики, поскольку речью не владеют и поругаться не могут. Обычные люди своё счастье выгрызают в изнурительных скандалах. Пять лет чиркнули и скрылись.

Однажды Ральф поехал покупать стиральную машину. Анна приболела, выпихнула мужа на лестницу. Сказала, доверяет полностью. Он долго там возился, вернулся очень довольным.

— Купил?

— Купил. Роллс-ройс среди стиральных машин.

— То есть хорошая?

— Самая лучшая. Как ты.

— Ты спросил продавцов про надёжность?

— Там были продавщицы в основном. Сказали, с таким мужем, как я, неважно какая стиралка.

— С каким это таким мужем?

— С прекрасным. Всѐ-то тебе объясни.

— Что ж, женщины склонны идеализировать чужое горе.

— Они сказали, ты должна просыпаться со слезами счастья на глазах.

— Они не знают, сколько ты ешь и как храпишь. Мой руки и за стол.

Через год Ральф ушёл к Лауре: 22 года, блондинка, сиськи, продавщица стиральных машин. Анна стала просыпаться в слезах, как ей и пророчили. Красивая, необъяснимо одинокая, с восточными глазами. Лауру он тоже бросил. Ради всех сразу женщин планеты. Ральфу хватило бы желания на миллиард любовниц, сдерживали только свойства пространства-времени. Лаура приходила потом к Анне, плакала, просила прощения за разрушение семьи. Ох, и напилась тогда.

Брошенные женщины засыпают под бормотанье телевизора. Привычка эта возникает незаметно и плохо лечится. Не можешь заснуть и всё тут. Но смотреть не получается. Включаешь телек — веки тут же слипаются, и поутру нипочём уже не вспомнить, кто кого мучил и на ком в конце женился.

Анна тарасилась в потолок часами. Или наоборот, смотрела фильмы до середины ночи. Сидя, чтобы не заснуть. Потом вдруг нашла на пульте кнопку «таймер отложенного выключения» и смирилась. От такого позора прекрасно помог бы любовник. И Роберт отличная кандидатура, не будь женат. Анна хотела быть единственной. Или ничьей.